

Глава 16. Секрет

Мы заболтались допоздна, так что я уговорил Гао Нина остаться на ночь. Цзи Сюэинь, получившая подарки, была к нему на редкость добра. Мои родители — люди простые и честные; видя, что мы с Гао Нином не разлей вода, они приняли его со всем радушием.

Односпальная кровать была слишком тесной для двоих. И хотя в то время мы едва вытянулись до ста семидесяти сантиметров и оба были по-юношески худощавы, места, чтобы перевернуться, не оставалось. Я уступил кровать ему, а сам устроился на полу. Мама подложила под матрас собачью шкуру, одеяло было толстым и теплым, но всё равно — лежа на полу и глядя на мир снизу вверх, я чувствовал себя так, словно меня внезапно уменьшили.

После душа мы погасили свет. Дыхание Гао Нина казалось мне тяжелым. Я не выдержал, потянулся вверх и коснулся его волос.

Он тут же перехватил мою ладонь и прижался к ней лицом. Он был влажным и каким-то шершавым — плакал? Или просто плохо вытерся после умывания?

— Что случилось? — тихо спросил я, чувствуя, что он рыдает беззвучно.

— Я их ненавижу! Смертью их ненавижу! — голос его дрожал от едва сдерживаемой ярости, за которой скрывалась глубокая боль. — Твердят еще, что не развелись только ради меня...

— Если они разойдутся, я покончу с собой! Пусть жалеют об этом всю жизнь! Всю жизнь!

Тут до меня дошло. Оказывается, наш «прекрасный принц» укатил на Хайнань вовсе не на отдых. Все каникулы он только и делал, что грозился броситься в море, спасая целостность семьи. А я-то гадал, почему от него ни слуха ни духа: не звонит, вовремя не возвращается... Видимо, когда последнее тепло в его доме начало остывать, ему стало наплевать на всё остальное.

Помолчав, я негромко произнес:

— Гао Нин, я скажу тебе одну вещь. Честно. Тебе, может, и неприятно будет это слышать, но больше я об этом никому не рассказывал.

Гао Нин оторвался от моей ладони. В темноте я видел лишь смутный контур его головы, склонившейся над краем кровати. Я легко мог представить, как он плачет, потому что когда-то и сам выглядел так же жалко.

— Остаться без родителей — это горько, но не смертельно. Если бы все дети, чьи папа с мамой разводятся, лезли в петлю, а сироты — и подавно, то сколько бы людей осталось на свете? Да и как бы ты тогда... встретил меня?

— А?.. — Гао Нин вздрогнул и подался вперед.

Я взъерошил его волосы и легонько оттолкнул обратно на подушку. Дождавшись, пока он успокоится, я продолжил:

— Говорят, мне было два года, когда моя родная мать умерла от болезни. Отец страшно тосковал, продержался лишь до того дня, когда мне исполнилось три, и покончил с собой прямо в годовщину её смерти. А когда мне было восемь, случился пожар... и я забыл всё, что было раньше.

Когда я только попал в семью Цзи, в душе всё клокотало от обиды и неприятия. Тогда я еще не понимал, что такое смерть, не боялся её. Мне просто казалось, что быть брошенным собственными родителями — даже если предлогом стала смерть — это ужасно несправедливо. Я ненавидел отца за то, что он не забрал меня с собой. Ненавидел за то, что он любил только маму, а на меня ему было плевать.

Родители Цзи относились ко мне безупречно, в этом не было сомнений, но мне всё казалось, что я им чужой. Ведь если Цзи Сюэинь совершала проступок, её ругали и наказывали. А на меня отец никогда не повышал голоса, мама всегда увещевала тихим, ласковым тоном, будто боялась, что я не вынесу критики.

Чем добрее и мягче они были, тем сильнее я чувствовал себя посторонним ребенком, который просто носит имя «Цзи Сюэлин». Поэтому я вязался в драки. В школе я ходил, расправив плечи и глядя на всех волком. В третьем классе я бил пятиклассников, а к пятому — даже ученики средней школы обходили меня стороной.

Я изводил их намеренно, со злобой, заставляя учителей то и дело вызывать их в школу. Я хотел, чтобы они из-за меня переживали, злились, чувствовали свое бессилие — я ждал, когда же у них кончится терпение и меня вышвырнут из дома. Раз они не считали меня своим, то и я не собирался признавать в них отца и мать.

— Ого, ну ты и язва, — пробормотал Гао Нин, вздохнув, а потом вдруг негромко фыркнул. — Так вот почему ты дрался как одержимый — внутри всё кипело... А я тогда, во время нашей первой стычки, еще завидовал Цзи Сюэини. Думал, как ей повезло, что за неё брат горой стоит...

Он помолчал и медленно добавил:

— Я с детства мечтал, чтобы меня кто-то так же защищал, не жалея жизни. Но в каждой драке я всегда был один. Я ведь с малых лет был умным и симпатичным, поэтому в детском саду мне все завидовали, и в школе тоже. Сначала я был трусом, не смел дать сдачи, только плакал и жаловался учителям. Но учителя не любят плакс, а одноклассники — ябед. Однажды меня довели, и я вцепился в одного парня. Бил его так, что родители прибежали к нам домой, но застали только няню Сань И. Они ничего не смогли сделать. С тех пор тот пацан меня за версту обходил. И тогда до меня дошло: драться — это круто, это приносит облегчение...

У каждого «трудного ребенка» в душе своя незаживающая рана. Моя проблема была в том, что я не чувствовал себя дома в семье Цзи, и потому бунтовал. Проблема Гао Нина заключалась в отсутствии настоящей любви, на которую можно было бы опереться, и драка стала для него единственным способом защиты.

По сути, мы были из одного теста. Если бы не та грандиозная потасовка на футбольном поле, после которой мы оба загремели в больницу, и если бы Гао Нин потом не перевелся в мою школу, одержимый желанием мне отомстить... возможно, мы бы так и остались чужими людьми.

Гао Нин как-то сказал, что наша дружба — это «награда за доброе дело». Когда он лежал в больнице, его родители так и не приехали. Они лишь передали через адвокатов: «Денег не жалеть, пацана по фамилии Цзи — засудить». Гао Нин, узнав об этом, встал на дыбы. Он категорически запретил втягивать юристов, заявив, что переведется в мою школу и сам со мной покваляется.

О том, что он перевелся только ради мести, я знал давно. Но я и представить не мог, что именно это его «коварство» изменит мою судьбу. По сравнению с богатой семьей Гао, мои родители не имели шансов. Мне светила колония для несовершеннолетних и бритая налысо голова — только сегодня я осознал это в полной мере.

Гао Нин прав: добро возвращается, просто иногда оно опаздывает. Или приходит вовремя, но ты об этом даже не догадываешься.

— Ну ты и пройдоха, — негромко рассмеялся я. — Впрочем... так даже лучше.

Я почувствовал, что мы — одной крови.

С кровати донеслось тихое хихиканье. Сверху опустилась рука, коснулась моей щеки и шутливо ущипнула за ухо.

— Когда я только перевелся, ребята всё спорили, кто красивее — Цзи Сюэинь или Цзи Сюэлин. Я еще гадал, что за девчонка такая. А когда увидел тебя, чуть со смеху не лопнул. Постой... ты ведь из-за меня «ушел на покой», признавайся? Побоялся, что снова побью?

— Еще чего! Я никого не боюсь! — гордо фыркнул я.

Я перестал бунтовать вовсе не из-за страха. Я просто наконец-то увидел их истинные лица.

Долгое время я жил с холодком в сердце, ожидая, что однажды меня вернут обратно. Я боялся этого дня и в то же время жаждал узнать, наступит ли он когда-нибудь.

Но потом я понял: с того самого дня, как меня привезли в этот дом, они считали меня родным

сыном. Они просто не хотели, чтобы я чувствовал себя хоть в чем-то обделенным, и потому всегда были со мной так ласковы. А я, поглощенный собственной печалью, не замечал их любви. Это я был маленьким и глупым, причиняя им столько беспокойства.

В тот день после операции я еще не совсем пришел в себя. Сквозь мутную пелену забытья я услышал, как мама всхлипывает рядом. Этот полный тревоги плач заставил меня на мгновение поверить, что ко мне пришла мама из моих снов, и я отчаянно боролся с собой, пытаюсь очнуться.

— Не плачь... Врачи сказали, операция прошла успешно. Сяо Лин растет, кости у него молодые, ребра за пару месяцев срастутся... Эх... — раздался голос отца. Он тоже был рядом.

— Как посмотрю на его раны, так сердце кровью обливается. У него ведь никого, кроме нас, не осталось, а мы не уберегли...

— Сама виновата, избаловала в край! — в голосе отца прорезалось раздражение. — Ребенок носит фамилию Цзи, значит, он наш сын, и если творит глупости — надо пороть. А ты всё заслоняешь его, мол, нельзя обижать... Слепая любовь только губит, теперь сама видишь. Этот случай будет нам уроком. Теперь я возьмусь за него всерьез. Не верю, что из моего сына не выйдет толкового человека...

Я не открывал глаз. Сознание постепенно прояснялось, а раны ныли всё сильнее. Но на душе стало удивительно спокойно, будто тяжелый камень с грохотом встал на свое место. Я нашел ответ, который так долго искал. Это не было формальным обещанием, но это значило для меня больше любых клятв. Страх, копившийся в груди годами, испарился. Тот мальчишка, который хотел умереть вместе со своим отцом, вдруг очень захотел жить.

И я твердо запомнил слова папы: «Не верю, что из моего сына не выйдет толкового человека!»

Что ж, я — это я. Тот самый парень, который не боится ни черта на свете. И если я решил стать достойным человеком, никто не сможет мне помешать.

<http://bllate.org/book/17483/1695164>